

DOI 10.25991/AE.2019.18.29.006
УДК 791.43

Синицын А. А., Егоров В. А.

Синицын Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург/Саратов, Россия
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Егоров Владимир Александрович — старший преподаватель,
Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vladimiregorov@yandex.ru

**ЛИРИК СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА
МИХАИЛ НАУМОВИЧ КАЛИК**

Очерк посвящается памяти кинорежиссера Михаила Наумовича Калика (27.01.1927–31.03.2017). Весной 2017 г. ушел из жизни режиссер, художник, мыслитель, классик советского кинематографа. Ушла еще одна легенда отечественного киноискусства, Мастер, которому удалось создать замечательное авторское кино с собственным звучанием, с присущим только ему почерком. В СССР за одиннадцать творческих лет, с 1958 по 1969 г., М. Н. Калик снял семь картин, три из которых считаются шедеврами советского кинематографа. М. Н. Калика называют советским и израильским режиссером, но всякий большой художник существует и творит вне времени и государственных границ.

Ключевые слова: М. Н. Калик, художник, мыслитель, советский кинематограф, «шестидесятники», поэтический и философский язык кино.

Sinitsyn A. A., Egorov V. A.

THE LYRIST OF THE SOVIET CINEMATOGRAPH
MIKHAIL NAUMOVICH KALIK

This essay is dedicated to the memory of the film director Mikhail Naumovich Kalik (27.01.1927–31.03.2017). Last spring artist, thinker, film director, icon of the Soviet cinematograph — died. Another legend, a Master who contributed to auteur cinematography with art films distinctly marked by his personality, is gone. In the Soviet Union, during the eleven creative years from 1958 to 1969, M. N. Kalik made seven films, three of which may well be called cinematographic masterpieces. M. N. Kalik is referred to as a Soviet and Israeli film director, but every big artist exists and creates outside time and state borders.

Keywords: M. N. Kalik, artist, thinker, the Soviet cinematograph, the “Sixtiers”, poetic and philosophic language of cinema.

...И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.
Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

Арсений Тарковский

Весной 2017 года ушел из жизни Михаил Наумович Калик — режиссер, художник, мыслитель, классик советского кинематографа. Ушла еще одна легенда отечественного киноискусства, Мастер, которому удалось создать замечательное авторское

кино с собственным лирическим звучанием, с присущим только ему почерком.

М. Н. Калик родился 27 января 1927 г. на севере СССР, в Архангельске, а умер в Израиле, в Иерусалиме 31 марта 2017 г.: два рубежа, две точки — на-

чало и конец пути. Художник прожил жизнь долгую, сложную, интересную, проблемную, творческую, красочную, пеструю. Его биография складывается как бы из двух равных частей. Первая связана с Советским Союзом, где он родился, учился, женился, отбывал срок в лагерях, сочинял, снимал кино, где похоронены его родители и родились его дети. Вторая половина жизни связана с Израилем, где родились его внуки, где он обрел свою вторую, желанную, родину и где нашел вечный приют.

В СССР за одиннадцать творческих лет — с 1958 по 1969 г. — М. Н. Калик снял семь картин, три из которых можно назвать шедеврами советского кинематографа. Его ранние работы — это добротные фильмы, созданные в духе советского игрового кино 1950-х гг. Первая картина, «Атаман Кодр» (1958, в соавторстве с Б. Рыцаревым и О. Улицкой) — гайдуцкая баллада, рассказывающая о молдавских повстанцах XIX в., которые выступили против произвола ненавистных господ. Второй фильм, «Юность наших отцов» (1958, в соавторстве с Б. Рыцаревым), снят по «Разгрому» А. А. Фадеева; это был дипломный фильм вгиковцев, рассказывавший о действиях красных партизан на Дальнем Востоке — о «простых обыкновенных людях» эпохи Гражданской войны, боровшихся за молодую Республику Советов. В 1959 г. вышла «Колыбельная» — проникновенный фильм о Великой Отечественной войне, судьбе девочки в суровое военное время и в послевоенные годы, которая потеряла родителей, воспитывалась в детском доме, потом жила в религиозной семье куркуля; это фильм о поисках отцом своей дочери через 17 лет — по городам, весям и молодежным стройкам Советского Союза. Этим картинам М. Н. Калика свойственен гуманистический пафос, патетика борьбы и поиска, которая была созвучна общей линии советского искусства тех лет. С его «Атаманом» и «Юностью» выросли советские мальчишки и девчонки. Для обоих авторов данного эссе — это еще и юность *наших* отцов.

В 1960 г., уже в возрасте Христа, будучи человеком с нелегкой судьбой за плечами, вполне состоявшимся художником, М. Н. Калик пересматривает свое отношение к киноискусству. Вероятно, это было связано с «оттепельной идеологией» хрущевской эпохи в СССР (см. в кн. Н. П. Баландиной, глава 1 «Оттепель: частная жизнь города»: [2, гл. 1, с. 13–93], здесь раздел «Город в фильмах Калика»: [2, с. 48–68]; ср. [3, с. 106–116 (с литературой); 4, с. 937, 939 сл.] и двухтомный сборник «Кинематограф оттепели»: [6; 7]).

«Поколение М. Калика, та новая поэтическая волна, создает магию киноэкрана, жизнь как искусство, прозу жизни как эпическую поэзию, “мастерство, когда мастерства не видно”. Этим, на мой взгляд, отличаются почти все фильмы Калика, которым уготована почетное место в пантеоне мирового киноискусства» [13].

В шестидесятые годы Михаил Калик создает произведения иного характера, которые определяют новое видение мира и человека. Первой стала работа 1961 года «Человек идет за солнцем». Затем были картины «До свидания, мальчики» (1964) и «Любить» (1968). Эти фильмы стали главными, знаковыми, в творчестве режиссера. Они представляли целое направление, можно сказать, «новую волну», советского киноискусства. Благодаря трем этим произведениям мы можем говорить о кино *Калика*.

В своих картинах М. Н. Калик аполитичен. Однако это не означает, что в них нет голоса автора-гражданина, что не звучат декларируемые режиссером актуальность, политика, его гражданская позиция. В фильме «Человек идет за солнцем» новый взгляд художника выражен через призму взгляда ребенка: здесь показан мир живой и радужный, многокрасочный и многомерный в своих оттенках и в способах проживания.

«Кинорежиссеров нового поколения волновала тема детства как времени, когда человек глубже всего чувствует мир и доверяет ему, и в их отношениях нет разногласий и подозрений. <...> Авторы фильма “Человек идет за солнцем” позволили ощутить зрителю остроту детского восприятия жизни, которое, как откровение, однажды открывается человеку и благословляет его судьбу. Для ребенка пространство города необъятно и загадочно, как земля, не имеющая границ и увиденная пока краешком глаза. Герой фильма Калика бежит вслед за солнцем, потому что ему сказали, что если пойти за ним, то можно обойти землю и вернуться завтра с другой стороны» [2, с. 50–51].

Настоящее и самое ценное этого мира есть день сегодняшний, со всеми восторгами и горестями, рождениям, похоронами, встречами, разлуками, чаяниями и тем непроговоренным, что угадывается по знакам, расставленным умелыми «мазками» Мастера в разных эпизодах «Человека» В этом фильме все шарообразно, все крутится, катится, кружится.

«В кинокартине “Человек идет за солнцем” звукозрительный монтаж способствует ускорению ключевого жеста — бега (клавесин и камера подгоняют героя). Жест героя = движение камеры дублирует монтажную кольцевую структуру фильма. Мяч, глобус, обруч, радиотелескоп, воздушный шар, арбуз, колесо, руль автомобиля, светофор, труба, подсолнух, мыльные пузыри, похоронный венок, фонтан, стадион, солнце, наконец, само лицо мальчика — графические элементы, на которых строятся монтажные стыки. Круговые жесты камеры (панорамирование, вращение), а также соответствующие жесты вращения персонажей <...> также дополняют тему круга» [10, с. 319–320].

К лейтмотиву колеса–кольца–круга в фильме «Человек идет за солнцем» можно отнести и музыкальную тему Таривердиева («круглую», в форме

рондо [10, с. 320]); принципу «круглости» кинокартины соответствует даже имя Льва Круглого, актера, сыгравшего в этом фильме роль водителя грузовика. А каково было потрясение мальчишек от «голой» («круглой») головы героя-мотоциклиста, нарезавшего круги под куполом шапито: «А он лысый!» — «Да не может быть!»

В мелких и метких деталях многомерности мира раскрылась сила поэтического киноязыка М. Н. Калика, особый контрапункт его произведений [1, с. 362–377; 2, с. 50, 55]. И поэтому это фильм динамичный, живой, романтический, звонкий, солнечный. Как в стихотворении Арс. Тарковского (написанном, кстати сказать, в том же 1961 году, когда вышел фильм Калика), строки из которого мы взяли в качестве эпиграфа: «Дитя, беги, не сетуй / Над Эвридикой бедной / И палочкой по свету / Гони свой обруч медный...»

«До свидания, мальчики» (по повести Б. Балтера) — «оттепельный фильм о войне» [2, с. 57]. Эта кинокартина — советские «Три товарища» — рассказывает о нескольких днях из жизни друзей. Герои жили в южном приморском городке, все трое учились в одном классе, влюблялись, вместе гуляли по улицам и набережной, вместе проводили лето на пляже. Решив втроем поступать в военное училище, они оставляют родной город, чтобы служить Родине.

Финал этой картины, пожалуй, в чем-то созвучен феллиниевским «Мамынькиным сынкам» (1953), где в конце герой тоже покидает на поезде свой городок, прощаясь со своей юностью; однако у Калика это расставание с детством и юностью выражено более пронзительно. У Феллини отъезжающего героя провожает на перроне малознакомый паренек с улицы, а у Калика — пожилая мать одного из товарищей, бегущая за вагоном поезда, и в последней сцене — Инка, подруга Володи, юная героиня фильма, которая сломя голову несется вдаль, по берегу, у самого моря, с надрывным криком: «До свидания, мальчики!» И стук колес паровоза, и музыка Таривердиева... Эта сцена в финале — прощальная для героев, ибо зритель знает об их дальнейшей судьбе. Все это до боли трогательно, по-каликовски, по-русски, по-советски.

Визуально-музыкальная драматургия [10] организует ностальгический и трагический тон кинофильма. Как рассказывал М. Таривердиев:

«В фильме войны еще нет <...>. А мальчишки только начинали пробовать себя, только-только начинали жить. Пробовали жить. И поэтому я решил, что музыка появляется как бы неоформленной. Как бы говоря о том, что вот я не знаю, какая она должна быть, жизнь. Я знаю только одно — впереди меня ждет только радость. А какая она будет — непонятно» [12, с. 66].

Снятая Михаилом Каликом в возрасте акмэ кинокартина «Любить» — это художественно-документальный сборник новелл, с включением со-

циологического опроса и интервью (монологи священника Александра Меня представлены как «стасимы» в этой драме). В созданном жанре художественно-документального кино М. Н. Калик смог раскрыть время, совместить несовместимое, удвоить жизнь своих персонажей, сделав их сразу персонами и художественными, и документальными, вывести их в другое онтологическое пространство и измерение. И ныне, спустя полвека, «Любить» остается произведением дискуссионным, а значит, актуальным, живым (см. обсуждение: [2, с. 64–67; 11], а также очерк Е. С. Некрасовой в этом номере журнала).

Картины Калика необычайно легки и лиричны, оттого они пронзительны. Важным элементом поэтики режиссера является включение в действие природы — в каждом фильме, от первого «Кодра» до последнего «Ветра». Здесь игра солнца (его картины наполнены солнечным светом, а в «Человеке» Солнце — один из главных героев, можно сказать, «ведущий»), дождь, вьюга (во второй новелле кинофильма «Любить» эта стихия даже персонифицирована — молодая девушка в снежной вуали, с которой вальсирует герой), небо, море (евпаторийские виды в «Мальчишках» начинаются и заканчиваются морем, приморскими пейзажами, маринистской мелодией Таривердиева и живыми звуками моря; как пишет Н. П. Баландина, «море — лирический центр авторских воспоминаний» [2, с. 62]), река, лес, сено, пасторальные виды, простота румынской деревни в последней новелле «Любить» и проч., и проч. Задействование природы в разных ее ипостасях усиливает звучание произведения — природу нельзя оценивать, выносить ей моральные суждения, картины природы всегда привносят что-то важное в понимание времени и героев, в переживание особых событий их жизни, которые каждый должен прожить, чтобы выйти за свои границы (ведь только так и возможно *сбыться*). Эти разрывы в повествовании не становятся экранной вторичностью, всё это вместе работает на цельность и делает кинокартину настоящим произведением искусства.

В интервью Наталье Баландиной (Израиль, 2012) М. Н. Калик отметил:

«Но лирика — это то, что мне было вообще присуще, то, что было заложено в душе. Самое главное — оставаться самим собой» [5].

Михаилу Калику удалось передать мотивы тоски — советской, русской, еврейской, общечеловеческой, — звучание тоски по отсутствующему, тоски по прошлому и по грядущему. Это не утаиваемое, не то, что необходимо искать «между строк», но напротив, это вплетенность в жизнь каждого и всех, ощущение потерянности, незавершенности, недосказанности, которая одновременно и сладка, и печальна. Отсюда и кружение героев его фильмов, скитания, путешествия (или только мечта о них) по близким и дальним местам, где нас нет, но про которые мы знаем, что они есть, и они манят и ждут нас.

Режиссер мастерски создает на большом полотне короткие истории, каждая из которых может стать законченной, иметь финальную точку и быть отдельным коротким метром. Эти слагаемые малые сюжеты в сумме дают большую историю, чем и отличается высокое искусство кино от просто хорошего, когда большая история есть история или поколения или эпохи, а зачастую того и другого вместе, как это в «Человеке», «Мальчиках» и «Любить» (см. в названных работах искусствоведа Н. П. Баландиной: [1 и 2]).

Был еще один советский фильм Калика — «Цена», снятый по пьесе А. Миллера в 1969 г. В нем, как и в других произведениях М. Н. Калика, важную роль играет мотив воспоминаний (сцены детства, возникающие в памяти Виктора Франца в виде фотографий, на которых запечатлены и они с братом, и их молодые родители...). Равно как и в «Мальчиках»: «Помню...» — титр в начале картины; и воспоминания партизана Левинсона в «Юности»; и авторские отсылки к военному прошлому в «Колыбельной». А последняя картина «И возвращается ветер...» полностью соткана из личных воспоминаний М. Н. Калика о давно ушедших временах — детских и юношеских, радужных, трагических, героических. Фильм «Цена» был снят в Ленинграде, и он завершает советский период творческой биографии режиссера.

Эмиграция М. Н. Калика на историческую родину предков была сознательной, его внутренний номадический человек выхватил его из привычного мира. В ноябре 1971 г. семья Калика покинула СССР. Точно как в своей задорной, «круглой» картине про наивного мальчика-молдавнина, полный новых желаний, Михаил Наумович отправился за Солнцем.

Только через 18 лет у него появилась возможность вернуться в СССР. 16 июня 1989 г. М. Н. Калик снова приехал в Москву, где встретился с друзьями, посетил могилу отца и матери, смог завершить авторский монтаж своих фильмов шестидесятых годов. Воспоминания о прошлой, советской жизни режиссера воплотились тогда в его новое произведение — автобиографическую драму «И возвращается ветер...» (1991).

Этот фильм был снят в России в последние советские годы, после долгой разлуки режиссера с Родиной. Конечно, «Ветер» — по духу «перестроечный» фильм. Это взгляд на прожитое (личную судьбу автора и судьбу России 1930-х — 1960-х годов) *sub specie* советско-еврейского репатрианта, спустя годы новых переживаний и испытаний. Здесь не могло обойтись «без обид», учитывая сложную биографию режиссера и судьбу его произведений в СССР (см., например, публикации И. Мак [8; 9] и Л. Фрухмана [13]). Но все же М. Н. Калику многое удалось рассказать о прошлом с юмором, трогательно, ностальгически. В этом фильме снялись многие известные актеры советского/российского кино: Э. Викторган, О. Ефремов, С. Говорухин, Е. Казаринова, С. Десницкий, также в прологе картины (в документальных эпизодах) — появляются коллеги из старой творческой команды Михаила Калика: С. Светлич-

ная, В. Никулин, Н. Богунова, композитор, соавтор и друг режиссера М. Таривердиев, другие. Это было возвращение автора в былое, встреча с прошлым и людьми из *того самого* прошлого.

«Ветер» — мемуарный кинонарратив не только о жизни режиссера в СССР, но отчасти и о его «второй» жизни — в эмиграции. Надо сказать, что для Калика как художника второй период его жизни стал временем молчания. В Израиле М. Калик занимался преподавательской деятельностью, работал в киношколах, снимал документальное кино об Израиле... Из интервью М. Н. Калика:

«А потом, когда возникли трудности с воплощением моих проектов, я решил: не буду терять время, буду снимать документальные фильмы, в основном об Израиле. И мне это нравилось» [5].

Известный советский режиссер не смог создать в эмиграции произведений, сравнимых с «Мальчиками» и «Любить». Так оказалось, что имея опыт, славу, быть может, творческую свободу, имея, несомненно, большие технические и материальные возможности, оказавшись по своему желанию в Израиле, Калик создал там не так много. В эмиграции он подготовил единственную картину, которую, впрочем, «не считал своей победой» (так сам режиссер судил о фильме «Трое и одна» 1974 года) [9].

«В 1973 году я снял фильм “Трое и одна”, где использовал сюжетную конструкцию “Мальвы” Горького с израильскими героями и местными реалиями. Отец, сын и одна женщина. И — бродяга, говоря сегодняшним языком, хиппи. <...> Когда я увидел наш фильм, мне показалось, что он не получился, и я даже сказал об этом. Но недавно я его пересмотрел и почувствовал, что там есть то, чего нет в израильских фильмах, — есть правда о том времени, о войне» [5].

Отзывы об этом единственном каликовском опыте создания художественного кино в Израиле и реакции на «Троих», см. в эссе Л. Фрухмана:

«<...> израильским критикам показалось, что фильм слишком вульгарен, грубоват, отвлечен от израильской действительности, от “народа”. “Калик, сделай что-нибудь для народа!” — говорили израильские кинодельцы. “Боже, куда я приехал, — сокрушался Калик, — опять это советское “сделай что-нибудь для народа!”” Газета “Гаарец” всячески поносила фильм, не поняв главное — болевую точку израильской жизни: смута душевная и анархия социальная требовали исправления <...>. Но режиссер не “лечил”, он ставил диагноз» [13].

Кинофильм «И возвращается ветер...» был снят только через полтора десятилетия после «Троих», когда режиссер на время приезжал в Россию. *Ветер возвращается* — не случайно это отражено и в самом названии этой картины. Несмотря на то, что после «Ветра» Калик прожил более четверти века, этот фильм стал последней его крупной работой. Но и эта ностальгическая картина израильского

режиссера тоже не сопоставима с его фильмами, снятыми в СССР в шестидесятые годы.

Действительно ли суровые клещи советского строя и рубежи «железного занавеса» сдерживали и сковывали художника, не позволяли ему раскрыться? Есть преграды для воображения и творчества? Ведь всякий мастер существует и творит вне времени и границ — государственных, политических, идеологических, прочих.

М. Н. Калика называют советско-израильским кинорежиссером. Данная характеристика — это не только принадлежность к двум государствам, она является не только территориально маркирующим термином, это и принадлежность к идеологии, а скорее к форме бытийствования со многими элементами, входящими в этот набор. Можно сказать, что Михаил Калик был русским человеком по языку и культуре, советским по воспитанию и сионистом по внутреннему мироощущению и самоопределению [9; 13].

Сказано в Екклесиасте (1:6): «Идет ветер к югу, переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги».

В 2014 г. М. Н. Калик дал интервью Ирине Мак для журнала «Лехаим» [9], в котором высказал мощную гуманистическую мысль, характеризующую его и как человека, и как художника, о том, что людей надо прощать, ибо все люди несчастны и всю жизнь их преследует мысль о смерти. Собственно, и картины М. Н. Калика о том же, только в них эта мысль выражена иным, поэтико-философским языком, средствами «лирического кинематографа».

Художник всё сказал своим искусством и своей жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина Н. Поэтическое пространство Михаила Калика // КЗ. 2002. № 57. С. 362–377.
2. Баландина Н. П. Город и дом в отечественном и французском кино 1960-х. М.: Государственный институт искусствознания; Российский государственный гуманитарный университет, 2014. — 256 с.
3. Беляева К. С. Специфика кинематографа «оттепели» на фоне эволюции отечественного киноискусства // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 106–116.
4. Зверева Т. В. «Осень в дубовых лесах» Ю. Казакова сквозь призму кинематографического взгляда // Вест. УдГУ. 2017. Серия История и филология. Вып. 6. С. 937–941.
5. Калик М. Другое ощущение жизни: Беседа Натальи Баландиной с Михаилом Каликом // ИК. 2012. № 11. Ноябрь. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2012/11/mikhail-kalik-druhoe-oshchushchenie-zhizni> (дата обращения: 12.12.2017).
6. Кинематограф оттепели. Кн. 1 (К столетию мирового кино): сб. / РОСКОМКИНО, Науч.-исслед. ин-т киноискусства; отв. ред. В. Трояновский. М.: ВГИК, 1996. — 262 с.
7. Кинематограф оттепели. Кн. 2: сб. / РОСКОМКИНО, Науч.-исслед. ин-т киноискусства; отв. ред. В. Трояновский. М.: Материк, 2002. — 448 с.
8. Мак И. Запрещенное кино. [«До свидания, мальчики». Режиссер Михаил Калик, СССР, 1964] // Блог журнала «Лехаим» [Lechaim Journal]. 2012. February, 3. URL: <https://lechaim-journal.livejournal.com/141746.html> (дата обращения: 10.10.2018).
9. Мак И. Михаил Калик: «Настоящая моя академия — это тюрьма и лагерь» // Лехаим. 2014. URL: <https://philologist.livejournal.com/9045614.html> (дата обращения: 12.10.2018).
10. Мальгина А. Музыкальные и монтажные конструкции в творчестве Михаила Калика: музыка, жест и монтаж // Русская филология. Тарту, 2014. Вып. 25. С. 318–325.
11. Ольшанская М. «Ты уходишь, как поезд...» (о фильме Михаила Калика «Любить») // URL: <http://marie-olshansky.ru/smo/pojezd-1968.shtml> (дата обращения: 20.09.2018).
12. Таривердиев М. Л. Я просто живу. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997. — 318 с.
13. Фрухтман Л. «Я родился свободным человеком...» (Заметки о творчестве кинорежиссера Михаила Калика) // Идемте же отстроим стены Йерушалаима. Кн. 3 / ред.-сост. Ю. Систер. Иерусалим: НИЦ Русское еврейство в Зарубежье, 2008. Т. 17. С. 194–212 [= Дом ученых и специалистов Реховота. 2012. Январь. URL: http://rehes.org/lst7/lst7_kalik.html (дата обращения: 24.03.2018)].